

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

50 лет после Хрущёва: уроки истории

В апреле текущего года исполнилось 120 лет со дня рождения творца послесталинской «оттепели» — Никиты Хрущёва, а в октябре будет 50 лет с момента его отстранения от власти. Это событие, вне всякого сомнения, на многие годы вперёд определило вектор развития нашей страны, а его отдалённые последствия в какой-то мере прослеживаются вплоть до наших дней.

Каковы же причины «оттепели» и её историческое значение, в чём заключаются её современные уроки, — эти вопросы обсуждались в ходе круглого стола «50 лет после Хрущёва». Он состоялся в НГУ на пленарном заседании секции «История» в рамках Международной научной студенческой конференции.

В связи с этим следует напомнить, что проведение такого рода мероприятий в формате МНСК стало в последние годы регулярным, — так в 2013 г. обсуждалась актуальная и острая тема «60 лет без Сталина» (развёрнутая стенограмма этой дискуссии опубликована в журнале «Идеи и идеалы»). В круглом столе принял участие ряд известных учёных, а также научная молодёжь.

С вступительным докладом выступил доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории НГУ И.С. Кузнецов. Он прежде всего подчеркнул недостаточную изученность «оттепели», отсутствие фундаментальных исторических исследований на эту тему, дискуссионность многих моментов её истории. Приоритетное внимание было уделено причинам и предпосылкам «оттепели» и «десталинизации».

Докладчик отметил, что первая версия по этому поводу была сформулирована руководством КПСС непосредственно в ходе «оттепели» и имела непререкаемый характер до конца советской эпохи. В официальных документах и выступлениях наших «вождей» послесталинские преобразования преподносились как закономерное проявление политики КПСС, «возвращение к ленинским принципам».

В настоящее же время широкое распространение получило объяснение «оттепели» нарастающими противоречиями сталинского режима, даже его «кризисом» и народным недовольством. К примеру, такая точка зрения проводится в обобщающих курсах Михаила Геллера и Александра Некрича, итальянского историка Джузеппе Боффы, в некоторых публикациях Елены Зубковой. В качестве важнейшего проявления этого фактора говорится о «кризисе в экономике ГУЛАГА», массовом сопротивлении в нём. Это особенно прослеживается в документальном издании об «энергетическом ГУЛАГе» и в обширной статье Владимира Козлова (Заключённые на стройках коммунизма: ГУЛАГ и объекты энергетики в СССР. Собрание документов. М., 2008; Козлов В.А. Социум в неволе: конфликтная самоорганизация лагерного сообщества и кризис управления ГУЛАГом (конец 1920-х — начало 1950-х гг.) // Общественные науки и современность. 2004. № 5—6).

Другая распространённая версия объясняет «оттепель» закономерными изменениями в менталитете властвующей элиты. При этом прослеживается два подхода. Начало первого из них было положено в знаменитой работе Милована Джиласа «Новый класс». Согласно этой трактовке, «оттепель» отражала новый этап в эволюции номенклатуры, когда основным ориентиром этой страты стало стремление к стабилизации своего положения, — это, в первую очередь, предполагало прекращение репрессий. В свою очередь, в книге Олега Хлевнюка и Йорана Горлицкого «Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры» (2011) доказывается, что в позднесталинский период шёл латентный процесс «олигархизации» властного механизма, в результате чего после смерти Сталина происходит своего рода возвращение к олигархическому правлению по модели 1920-х гг., — таким образом имел место своего рода циклический ход истории.

Докладчик подчеркнул, что обе наиболее распространённые сейчас версии «оттепели» в какой-то мере позволяют понять предпосылки либерализации режима в этот период, но не объясняют причин «десталинизации». Ведь последующий исторический опыт, например, Китая, показывает, что отказ от крайностей тоталитаризма не обязательно требует «развенчания вождя». Нередко инициативу Н.С. Хрущёва по «разоблачению культуры личности Сталина» объясняют его личными интересами, прежде всего стремлением для упрочения собственной власти дискредитировать своих политических конкурентов как «соучастников сталинских преступлений». Пожалуй, последовательнее всего эта версия проводилась в письме В.М. Молотова. Этот огромный текст (наверное, вообще

самый обширный политический документ данного периода) был направлен в ЦК КПСС в 1964 г., а опубликован лишь недавно — на протяжении 2011 г. печатался в журнале «Вопросы истории». Из числа же современных исторических исследований наиболее последовательно данная версия проводится в работах Юрия Емельянова, например, в книге «Хрущёв: смутяня в Кремле» (2005).

Дискуссию продолжил доктор экономических наук профессор Г.И. Ханин, который сосредоточился на анализе экономических аспектов «оттепели». Прежде всего он подчеркнул, что роль Н.С. Хрущёва в развитии советской экономики в исторической литературе осмыслена недостаточно. Дело прежде всего в слабом осмыслении советской экономической истории вообще, реальной роли в её функционировании отдельных институтов и личностей. Важное значение имеет и характер личности Хрущёва, его образовательный и интеллектуальный уровень. Наиболее объективную характеристику этого исторического персонажа дал американский историк Уильям Таубман, но как раз об экономике он пишет мало и плохо. Г.И. Ханин отметил: «Мне тоже не всё здесь известно и понятно. Скажу о том, что изучил и понял при написании экономической истории СССР, в первом томе которой анализируется период с конца 1930-х гг. по 1986 г., включая период правления Хрущёва».

Далее было подчеркнuto, что Хрущёв в своей экономической деятельности опирался, особенно в первый период своего правления, на созданный в 1930—40 гг. под руководством Сталина материальный, интеллектуальный и организационный потенциал и соответствующие управленческие структуры. Он относительно удачно реформировал их, когда они явно стали излишними (лагеря, шарашки, массовый террор) с точки зрения самой системы. Намного менее удачно такого рода реформы осуществлялись в остальных случаях. При этом ослабление «системы страха» не компенсировалось в достаточной степени другими видами контроля и ответственности за результаты хозяйственной деятельности.

По оценке Г.И. Ханина, в экономической политике Хрущёва можно выделить определённые периоды: 1953—1957, 1958—1962 и 1963—1964 гг. В первый период она носила преимущественно положительный характер, когда решения принимались достаточно осознанно с учётом мнений других членов коллективного руководства и специалистов. Во второй период, после устранения «антипартийной группы», экономическая политика приобрела преимущественно волюнтаристский характер. В третий же период пришлось исправлять многие ошибки второго периода.

В области макроэкономической политики наибольшее значение имела величина военных расходов. Руководство СССР со времён Сталина рассматривало их как средство обеспечения оборонной безопасности и расширения позиций социализма в мире. Учитывая огромное экономическое отставание социалистического лагеря от капиталистического, в СССР доля военных расходов в ВВП была огромной. Но она заметно уменьшилась после смерти Сталина, затем снова выросла в 1958—1963 гг. и снизилась в 1964 г.

После 1953 г. значительно вырос объём потребительских расходов населения и его доля в ВВП (включая жилищное строительство). Но к концу 1950-х гг. выяснилось, что они превысили возможности экономики при сохранении больших военных расходов, что замедляло научно-технический прогресс и рост производительности труда. В силу этого пришлось пойти на резкое снижение темпов роста уровня жизни населения.

В то же время очень активно менялась отраслевая структура продукции в пользу прогрессивных отраслей экономики и дефицитных потребительских товаров и услуг. В институциональной области в 1957—1960 гг. происходила известная децентрализация управления экономикой. Она привела к снижению эффективности экономики и дезорганизации управления. Поэтому пришлось после 1960 г. пойти на частичную рецентрализацию экономики.

В целом же Хрущёв безуспешно пытался вырваться из сталинской экономической

модели, но раз за разом убеждался в отсутствии альтернативы ей. При этом у него начисто отсутствовало понимание статистики и негативного влияния ее искажений на планирование и управление экономикой. Подбор людей для управления экономикой был чаще всего ошибочен. Теоретическими вопросами экономики Хрущёв не интересовался и полагался в этом отношении на своих советников. Он руководствовался своим жизненным опытом и советами своих коллег и помощников.

В целом экономические результаты хрущёвского правления были негативными. Темпы экономического роста с каждой пятилеткой снижались. Это же относится и к показателям эффективности (производительность труда, фондоотдача, материалоемкость продукции). Ухудшалось качество продукции, замедлялся научно-технический прогресс, особенно в гражданской экономике. Разумеется, в какой-то степени это было связано с объективными факторами. К ним можно отнести уменьшение роли репараций, смену поколений в науке. Но и допущенные ошибки в экономической и научно-технической политике имели большое негативное влияние на развитие экономики. Помимо упомянутого выше, сюда можно отнести чрезвычайные усилия по сдвигу народного хозяйства на Восток, где зачастую были худшие экономические условия.

В итоге своего анализа Г.И. Ханин пришёл к выводу, что в какой-то мере все это повторилось в наше время: начиная с горбачёвской «перестройки» была сделана попытка отказаться от «сталинского механизма» (централизованного управления экономикой). Последствия этого очевидны.

Затем слово было предоставлено кандидату исторических наук, сотруднице Института истории СО РАН О.Н. Калининой, которая основное внимание уделила эволюции в период «оттепели» номенклатурного слоя советского общества. Она подчеркнула, что хрущёвские преобразования осуществлялись при поддержке подавляющей части номенклатуры, т.е. функционеров партийных, государственных, хозяйственных, военных и других структур. Согласно распространённой трактовке, идущей от Льва Троцкого и Милована Джиласа, именно этот слой и составлял новую господствующую страту «социалистического» общества. Наличие такой социальной базы, собственно, и обеспечило относительно безболезненное осуществление «оттепели» и «десталинизации», поскольку названная социальная группа была кровно заинтересована в устранении крайностей тоталитарной системы и прежде всего в прекращении массовых репрессий.

При этом, по мнению О.Н. Калининой, в рассматриваемый период в обличье номенклатуры происходят существенные изменения, что в немалой степени предопределило ход дальнейшего развития СССР. Важнейшей тенденцией стало перераспределение полномочий между столичным и региональным сегментами номенклатуры: местное «начальство» превращается в значительную силу, оказывает растущее влияние на государственную политику. При этом номенклатурный слой не был заинтересован в углублении «оттепели»: добившись главной цели — стабилизации своего по-

ложения, «бюрократы» не желали дальнейшей демократизации страны. Это, собственно, и стало социальной основой для «октябрьского переворота 1964 г.» — отстранения от власти Н.С. Хрущёва.

Выступивший далее доктор исторических наук, сотрудник Института истории СО РАН В.И. Исаев также подчеркнул неоднозначность социально-экономических и политических процессов, характерных для периода «оттепели». По его оценке, их противоречивость определялась не только личными качествами Н.С. Хрущёва, но и объективными параметрами послесталинской трансформации. В сущности, вся политика этого периода осуществлялась в довольно узком «коридоре». Попытки углубления «оттепели» вызвали сопротивление консервативных сил, опасающихся полной дестабилизации системы и потери своего привилегированного статуса. В свою очередь, меры по «наведению порядка» воспринимались как симптомы возврата к сталинской системе. Всё это заведомо обрекало хрущёвскую политику на непоследовательность, разного рода «зигзаги». Следует подчеркнуть, что здесь проявился своего рода «код» российской истории, её «замкнутый круг». В самом деле, в нашей стране неоднократно либерализация режима приводила к ослаблению, а то и краху государственности, а «наведение порядка», в свою очередь, сопровождалось нарастанием авторитарных тенденций.

Доктор исторических наук профессор Д.С.А. Красильников коснулся ряда проблем «оттепели», связанных с её важнейшим аспектом — прекращением массового государственного террора, демонтажем репрессивного механизма. Он, в частности, отметил неоднозначные последствия освобождения узников ГУЛАГА, в частности, сложный процесс их адаптации в послесталинском социуме. Особенно это касалось той части жертв сталинизма, которые находились в отдалённых районах страны, например, на Колыме. Ведь для них непросто было даже вернуться в родные места, не говоря о получении работы, жилья и т.п. Не менее важной проблемой была последующая судьба многочисленного персонала лагерей, оказавшегося «не у дел». Вместе с членами семей эта группа составляла сотни тысяч, и их отношение к «оттепельным» преобразованиям вряд ли было позитивным. Судя по некоторым данным, немалое число такого рода «ценных кадров» в последующие годы обосновалось в различных правоохранительных, режимных, контрольных и других подобных структурах.

Подводя итоги дискуссии, профессор И.С. Кузнецов ещё раз обратил внимание на противоречивые исторические уроки «оттепели». По его оценке, важнейший вопрос, вытекающий из истории хрущёвского периода, заключается в следующем: можно ли вырваться из отмеченного «порочного круга» российской истории (авторитаризм или дезорганизация) или здесь имеет место своего рода исторический фатум? Дискуссия была завершена в духе сдержанного оптимизма: рост зрелости российского социума позволяет надеяться на выход с этой «наезженной колеи».

И.С. Кузнецов, доктор исторических наук, профессор НГУ
 Фото Р. Ахмедова

Наука в Сибири

Учредитель — СО РАН

Главный редактор Ю. Плотников

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ
«НВС» в НОВОСИБИРСКЕ!

Любые номера газеты «НВС» можно приобрести или получить по подписке в холле первого этажа УД СО РАН с 9.00 до 18.00 в рабочие дни (Академгородок, Морской проспект, 2)

Адрес редакции: Россия, 630090, Новосибирск, Морской проспект, 2.

Тел./факс: 330-81-58; тел.: 330-09-03, 330-15-59.

Корпункты: Иркутск 51-35-26

Томск 49-22-76 Красноярск 90-79-39

Стоимость рекламы: 50 руб. за кв. см

Отпечатано в типографии ЗАО «Бердская типография» 633011, г. Бердск, ул. Линейная, 5. Подписано к печати 23.04.2014 г. Объем 3 п.л. Тираж 1500. Не заказа Редакция рукописи не рецензирует и не возвращает.

Рег. № 484 в Мининформпечати России

Подписной инд. 53012

в каталоге «Пресса России»

Подписка 2014, 1-е полугодие, том 1, стр. 148

 E-mail: presse@sbras.nsc.ru

© «Наука в Сибири», 2014 г.